па, А. М. Астаховой и П. Н. Беркова. В отделе «Хроника» даны сведения о фольклорных экспедициях (23 отчета). Хорошо, что на эту важную сторону деятельности советских фольклористов обращено достаточное внимание. Несомненный интерес представляет раздел обзоров, рецензии и библиографии: в нем обзор деятельности Международного общества исследователей народной прозы, обстоятельно сделанный венгерским исследователем В. Фойгтом, и обзор статей по русскому фольклору, появившихся в немецком журнале «Zeitschrift für Slawistik» в 1956—1969 гг. (автор Т. Н. Ден). В XIII выпуске даны рецензии на книги В. К. Соколовой «Русские исторические предания» и А. И. Лазарева «Предания рабочих Урала как художественное явление», сборник Д. М. Балашова «Сказки Терского берега Белого моря» и трехтомное издание эстонских преданий о великанах и богатырях, осуществленное Э. Лаугасто, Э. Норман и Э. Лив в 1956—1970 гг. В конце сборника, согласно прекрасной традиции, дана библиография исследований о русских прозаических жанрах за 1966—1969 гг. Она составлена неизменным летописцем наших трудов М. Я. Мельц и охватывает 130 названий.

Следует отметить, как отрадный факт, нововведение: на немецком языке даны резюме всех статей. Излишне говорить, как это важно для международной науки, развития контактов исследователей, работающих по одной тематике в разных странах.

XIII выпуск «Русского фольклора» настолько многогранен, что очень трудно, даже невозможно, с должным вниманием остановиться на всех его разделах. Поэтому приходится ограничиться рассмотрением его основного раздела — статей о несказочной прозе. Это не значит, конечно, что остальные разделы книги не представляют интереса, в частности очень существенны в нем статьи о сказках. Так, например, Е. А. Тудоровская делает попытку продолжить и уточнить начатое В. Я. Проппом изучение структуры волшебной сказки, Н. М. Ведерникова очень убедительно показывает, что контаминацию следует рассматривать как многофункциональный художественный прием, «способствующий оживлению традиционного повествования» (стр. 165); в статье В. В. Митрофановой на частном примере сказки о Ерше поставлена общая проблема взаимоотношения рукописной и устной традиции; интересные данные о бытовании сказки в рабочей среде приводит в своей статье А. И. Лазарев. Интересны и статьи о заговорах и пословицах. Полна тонких наблюдений над природой устных заговоров статья З. И. Власовой, раскрывающая поэтические особенности, отличающие устные заговоры от заговоров письменных. В статье Д. И. Раскина убедительно показано, как в историческом развитии русских пословиц отразились этапы развития крестьянской идеологии.

Однако центром книги является все же раздел, посвященный несказочной прозе. Значимость именно этого раздела усугубляется тем, что эта область народного творчества в русской науке сравнительно мало исследована.

Общая проблематика раздела освещена в статье В. П. Аникина «Художественное творчество в жанрах несказочной прозы» (стр. 6—19). Автор ее исходит из несколько максималистской, но практически полезной предпосылки, что «всякий вопрос, касающийся устной прозы, по необходимости, хотя бы в рабочих целях, должен решаться с учетом различных ее жанров» (стр. 6). Отдельные разделы статьи посвящены специфике преданий, сказа, быличек и легенд. Говоря о преданьях, В. П. Аникин напоминает об основных исследованиях, посвященных этому жанру, и отмечает противоречивость в определении его и классификации. Он останавливается на двух типах преданий: на исторических и топонимических, усматривая в последних большую степень поэтической интерпретации. Нельзя не согласиться с тем, что «для обоих типов преданий характерна подвижность бессознательно-художественного оформления в стиле» (стр. 10), отсутствие стилевого канона и подчеркнутая «достоверность» сообщения. Но вряд ли можно считать, «что не было ни одного сколько-нибудь известного деятеля Руси, памятного события, которые бы не оставили следа в преданиях» (стр. 8). Можно привести бесчисленные примеры того, что народная память очень прихотливо избирает объекты предания.

В. П. Аникин разграничивает предания со сказом на основании двух, как он говорит, «важнейших свойств сказа» (стр. 11): область сказа шире области предания, сказ — «устный рассказ о чем-либо примечательном в общественном и личном быту». Истинность его «удостоверяется личным опытом рассказчика, либо свидетельством кого-либо из современников». Сознавая необходимость уточнения определения сказа и разграничения его с «личным бытовым рассказом» и «рассказом — воспоминанием на общественные темы», В. П. Аникин считает, что «личное воспоминание, перешедшее в традицию, т. е. интересное другим рассказчикам, подвергнутое правке и изменениям с их стороны, и становится сказом». При некоторой зыбкости определения сказа его можно принять, хотя лучше было бы обходиться при классификации жанров устной прозы без категории «сказ», поскольку термин этот чаще употребляется в другом значении. Очевидно В. П. Аникин прав, указывая, что сказ отличается от предания и своей формой, так как если бы он не отличался ею, не могло быть разговора о нем, как о самостоятельном жанре. Однако самая формулировка этого отличия неприемлема. «О чем бы ни говорил сказ,— пишет исследователь,— он всегда несет на себе приметы сословно-классовой и местной принадлеж-